

К.К. Султанов

К вопросу об «этнокультурном повороте» в изучении литератур народов России

Аннотация: В статье рассматриваются методологические вопросы современного изучения литератур народов России. Кризис былых нормативных и идеологически мотивированных представлений об их исторической динамике выявил необходимость поиска новой исследовательской парадигмы. Недостаточно постулировать множественность и дифференциацию национально-литературных типов художественного сознания. Важно стремиться и к интегративным характеристикам, к взаимодополняемости «идентичности» и «диалога», этнокультурного дискурса и аксиологического подхода, а также, учитывая исторический опыт сосуществования наших народов и культур, к артикуляции «цивилизационной парадигмы», отсылающей к «единству несходного».

Ключевые слова: художественная ценность, идентичность, диалогический принцип, этнокультурная доминанта, цивилизационное пространство, реконструкция

Abstract: The article deals with methodological problems of contemporary studying of the Russian peoples' literature. The crisis of the former regular and ideologically motivated representations about their historical dynamics has revealed the need of searching a new paradigm of the research. It is not enough to postulate the multiplicity and differentiation of the national literary types of artistic consciousness. It is important to aspire to integrative characteristics, to complementarity «identity» and «dialogue», ethno-cultural discourse and axiological approach, and given the historical experience of our coexistence of peoples and cultures, to the articulation of «civilizational paradigm» which refers us to the «unity of different».

Key words: artistic value, identity, dialogic principle, ethno-cultural dominant, cultural space, reconstruction

Начну с примечательной особенности замысла и структуры нашей конференции «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)». Впервые в границы русской литературы как «единого процесса», всецело обусловленного ее самоопределением, вовлекается как органическая часть проблематика литератур народов России, которой отведена отдельная секция.

Эта вовлеченность подводит к мысли о российском цивилизационном пространстве, о месте и значении цивилизационной парадигматики в изучении наших национальных литератур, которая имела и внутрилитературные истоки – достаточно вспомнить первый номер пушкинского «Современника».

В произнесенной 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности речи Ф. Достоевский назвал А. Пушкина «угадчиком» – слово это не менее весомое, чем ключевые и зацитированные «всемирная отзывчивость» и «всечеловечность»¹.

В одном ряду со своим «Путешествием в Арзрум» и гоголевской повестью «Коляска» в первом номере журнала «Современник» (1836) Пушкин опубликовал рассказ черкеса Султана Казы Гирея «Долина Ажитугай», семантически связанный с историософскими размышлениями самого Пушкина (черкесская тема в «Путешествии...», «самовар» и «проповедывание евангелия» как спасительные нововведения).

Пушкинское примечание к рассказу, феноменальное по лаконичности, культурной щедрости и дальновидности, начинается энергично и интригующе: «Вот явление, неожиданное...». Понятно, что любой этнографически маркированный текст несет в себе эффект экзотической неожиданности. Но ход пушкинской мысли совершенно иной: «...неожиданное в нашей литературе». Мало того, неизвестный доселе автор «становится в ряды наших писателей»? Первое произведение и сразу – «в ряды наших писателей»? И кто становится – «сын полудикого Кавказа»?²

«Пушкин вписывает Казы Гирея, – отмечает И. Фрайман – в современную литературную ситуацию, помещая его рядом с уже известными писателями, тем самым изменяя литературный контекст»³. Первым номером «Современника» Пушкин решал злободневные задачи, тщательно продумывая его структуру с учетом литературной борьбы. Но это вписывание имело и другое измерение, не столь значительное по тем временам, но чрезвычайно важное в исторической перспективе.

Русский поэт явил поразительную духовную дальнорочность или, точнее, интуицию будущего, провидчески обозначая иной масштаб видения в противовес и вопреки сложившейся ситуации на Кавказе: имам Шамиль уже два года верховный глава теократического государства (имамат), огонь вой-

¹ Достоевский Ф.М. Об искусстве. М.: Искусство, 1973. С. 351, 367.

² Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Т. 1. СПб., 1836. С. 169.

³ Фрайман И. К анализу одного пушкинского примечания // Toronto Slavic Quarterly. 2005. №13 / (URL: sites.utoronto.ca/tsq/13/fraiman13.shtml).

ны разгорался, поднимался Западный Кавказ, несовместимость двух миров казалась непреодолимой.

Вовлекая такого автора в состав «нашей литературы», Пушкин снимал, во-первых, ощущение периферийности, возникающее при встрече с экзотическим именем, и, во-вторых, предвидел грядущую культурную нераздельность России и Кавказа, задавая столь важный для русского культурного сознания камертон всеотзывчивости. Он был услышан Толстым – тоже угадчиком иной исторической перспективы, ориентированной на «идеал человеческого без насилия». «Казачи» и «Хаджи-Мурат» вышли из этой пушкинской «шинели», из пушкинского угадывания возможной общей исторической дороги.

Не будь этого угадывания – мог бы Габдулла Тукай, классик татарской литературы, в марте 1911 г. говорить о своей заветной мечте, связывая ее с пушкинским словом: «...на татарском, в татарском духе, с татарскими героями, хочу создать своего “Евгения Онегина”».

Не будь этого угадывания – мог бы Р. Гамзатов признаться в том, что «русскую литературу мы воспринимали как собственную», и назвать Пушкина аварским поэтом? Это не только жест благодарной культурной признательности, но и принятие определенного исторического опыта, в лоне которого стало возможным явление Пушкина, это, если хотите, цивилизационный выбор той России, которая покоряла бескорыстным познанием «сурового края свободы», создавала грамматики и словари, обучала юных горцев в Ставропольской и других гимназиях, открывала горизонт новых возможностей.

Что дает проблематизация цивилизационной парадигмы как базового компонента знания о национальной литературе? Укрупнение масштаба видения, сопрягающего множественность – 44 литературы по изданному ИМЛИ РАН «Словарю литератур народов России. XX век» – с тем, что в гуманитарном знании издавна характеризуется как «единство несходного».

Констатировать множественность как последнюю инстанцию, останавливаться на рубеже дискретности вне собирательной мысли – значит явно недооценивать смысл и когнитивные возможности цивилизационного подхода, отсылающего к макрорегиональному уровню, к надэтническому консенсусу различных по генеалогии и исторической протяженности литератур.

Мы пережили в преддверии XXI в. период тревожного истощения надэтнического видения проблем страны и ее многонациональной культуры, когда реакцией на распад советского мультикультурного проекта стал в общественной жизни – политизированный этнизм, в культурной практике – манифестация самоидентификации как формы этнокультурного реванша.

Постановка вопроса о национальном и цивилизационном нередко вызывает некоторую настороженность, а словосочетание «цивилизационная парадигма» нередко воспринимается не столько как содержательный принцип, действующий внутри национально-литературных характеристик, сколько

как эвфемизм, призванный вернуть девальвированную «дружбу народов», – что-то вроде идеологии «старшего брата».

Опыт формирования литератур народов России свидетельствует не только о типологически общих факторах (роль фольклора, значение просветительства, особая миссия русской литературы как литературы мирового уровня, оказавшей нравственное и эстетическое воздействие на национальные литературы), но и о цивилизационной общности, которая формировалась не вопреки, а благодаря сбережению культурного разнообразия по принципу «народов много – страна одна».

Исторический и, конечно, экзистенциальный выбор именно такой сборки полиэтнического культурного пространства сегодня могут назвать нерентабельным, затратным (зачем, например, издавать литературу на семи местных языках в Дагестане?), но по большому счету перспективным оказался именно этот путь сохранения той многозвучности, о которой писал Георгий Федотов в статье под неслучайным названием «Будет ли существовать Россия?» (1929): «многоплеменность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу». Далее следует историсофски значимое уточнение: «объединение народов России не может твориться силой только религиозной идеи. Здесь верования не соединяют, а разъединяют нас. Но духовным притяжением для народов была и останется русская культура. Через нее они приобщаются к мировой цивилизации»¹.

Эта тональность отчетливо заявляла о себе и в дореволюционный период: один из авторов сборника «Интеллигенция в России» (1910), оппонировавшего «Вехам» (1909), Максим Славинский в статье «Русская интеллигенция и национальный вопрос» писал о «согласовании моментов государственного единства и национального разнообразия», о «державном возрождении», имея в виду «силу возрождающихся национальностей», о «единстве, построенном на таком широком и стойком фундаменте, как национальное сознание всех народов»².

В рамках цивилизационного подхода идентичность не есть только торжество автаркической самобытности, узко и статично понятой, соотнесенной преимущественно с культурными архетипами, – концептуально она связана и с тем, что называют культурным пограничьем, когда «свое» небезразлично к присутствию и неоднозначности «чужого».

Вопрос об идентичности – это и вопрос о мостах, соединяющих национальные культуры, о неизолированной локальности, о расширении горизонта, вопрос не только выживания в глобальном мире, но и изживания комплекса провинциального культурного аутсайдерства.

В российском цивилизационном контексте переживание встречи, например, с русской классической литературой – ресурс не менее значимый для самоопределения, чем национальная характеристика. Эффективность цивили-

¹ Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Вестник РСХД. Париж, 1929. № 1–2. С. 20.

² Славинский М.А. Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 418.

лизационного подхода на литературном материале продемонстрировали авторы недавно изданной «Истории литературы Урала. Конец XIV – XVIII в.» (М.: Языки славянской культуры, 2012), в которой органично дополняют друг друга русская книжно-рукописная традиция на Урале и истоки развития удмуртской литературы, типы словесности горнозаводского Урала XVIII в. и средневековая башкирская литература.

Формирование новой парадигмы в изучении литератур народов России предполагает поворот к взаимодополняемости цивилизационного подхода и филологической конкретизации, открывающей литературу в литературе. Разноуровневый и разностадиальный характер развития этих литератур не отменяет тот факт, что каждая из них – сложно организованная система, формирующая определенный тип художественного сознания. Если раньше говорили о единстве многообразия как символическом союзе национально-литературных своеобразий, то сегодня лучше видишь внутреннюю полифоничность каждой литературы, отдавая должное диалогу креативных и репродуктивных тенденций, творческому спору с традицией внутри этой традиции.

Усилилось внимание к многовариантности путей художественного самоопределения, к переходным периодам и пограничным явлениям. Пересматриваются устоявшиеся взгляды на зарождение литературы, приводится в соответствии с историко-культурными реалиями хронология, освобожденная от идеологической «передозировки». Изучение, например, арабоязычного культурного наследия народов Дагестана позволило иначе взглянуть на родословную их литератур, убедительно конкретизируя известную мысль И. Крачковского о развитии в Дагестане самобытной, оригинальной литературы на арабском языке.

Рубеж 1917 г. перестал восприниматься как фатально разделительный, отсекающий «старое» от «нового». Национальные литературоведческие школы многое сделали для восстановления исторической полноты каждой национальной литературы, для реконструкции целостной картины, возвратившей в родной контекст имена и тексты, когда-то изъятые по внелитературным соображениям, – сошлюсь на долгую и драматическую историю реабилитации литературного наследия создателя новой якутской литературы А.Е. Кулаковского (1877–1926)¹.

Восстановлены в неурезанном объеме творческие пути писателей, уходящие корнями в дореволюционный период, – аварца Гамзата Цадаса, лезгина Сулеймана Стальского, татарина Мажита Гафури, чуваша Михаила Сеспеля, марийца Сергея Чавайна. Однако признание их исторической роли как основоположников новой литературы в XX в. устойчиво сопровождалось в советских энциклопедических изданиях однотипной и откровенно догматичной формулировкой: «...не поднялся до исторического ма-

¹ Султанов К.К. Феномен Кулаковского: «локальное» и «всеобщее» в парадигме целостного миропонимания // Творческая личность в историко-культурном пространстве. Новосибирск: Наука, 2013. С. 59–72.

териализма...», не дорос, не дошел до понимания марксизма и т. п. В той же вульгарно-социологической тональности характеризовалась, например, северо-кавказская литература начала XX в., которая всецело сводилась к единственной заботе ее создателей – провести «разграничительную линию между людьми, сословиями, линией, за которой стоят противоборствующие классы»¹.

Засилье схемы культурного прогрессизма как процесса однолинейно входящего к «светлому будущему», предельно упрощавшей трактовку эволюционного и неоднозначного развития литературы, уступило место большему вниманию к ее субстанциональным основам, к исторически подвижному соотношению «нормативного-неожиданного», «константного-вариативного».

Отсюда востребованность многофакторного филологического анализа, вобравшего в себя идентификационные отсылки к вопросам этно- и культурогенеза и призванного исчерпывающе воссоздать базисные предпосылки формирования литературы. В современных филологических работах – особенно о литературах Севера, Сибири и Дальнего Востока – со знанием дела могут быть развернуто описаны и этимология знаковых местных понятий, и механизм обрядовых действий, и ритуал инициации, и промысловый культ. Художественный текст перечитывается и переосмысливается как вербально зафиксированное пространство напряженного взаимодействия различных культурных кодов. Усложнившиеся представления о генезисе и духовных основаниях национальной литературы объективно работали на упразднение некогда популярного понятия «младописьменная литература» как неадекватного.

Для каждой национальной литературы вопрос об идентичности был и остается судьбоносным и неизменно актуальным: чем хронологически моложе литература, тем острее ее потребность в самоопределении и самопознании.

Когда в 60-х годах прошлого столетия в газете «Литература и жизнь» развернулась дискуссия о возможном слиянии культур и наций в нечто единоеобразное, то национальные культуры, взбудораженные призраком гипотетического «слияния», ответили гамзатовским стихотворением «Родной язык»: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть». Оно прозвучало в унисон с выступлением участника дискуссии Владимира Солоухина в защиту института национально-культурной самобытности. Представляя различные культурные традиции, русский прозаик и аварский поэт бескомпромиссно отвергли перспективу «жить единым человеческим общежитием» в мире «без России, без Латвий» и в то же время не впадали в гиперболизацию культурно особенного как отдельного и изолированного.

Спустя десятилетия вопрос о национально-литературной характерности в очередной раз вернулся, но уже не от «имени и по поручению» спущенной сверху идеологической установки, а под знаком двух непримиримых крайностей – транскulturации с ее «взрывными модификациями» и таким отношением к «родной» литературе, когда она аттестуется как «окаменелость»,

¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 522.

«символическое насилие» и даже «гетто идентичности», и, с другой стороны, абсолютизированной этнокультурной предзаданности, оттеснившей аксиологическую составляющую на периферию литературоведческого анализа.

Дело в том, что проблема самоидентификации, столь популярная в постсоветский период, приобрела исключительно диахроническое измерение, существенно изменившее тональность разговора о национальной литературе.

Волна этноностальгии накрыла национальные культуры и, как следствие, инициировала обострение бинарных оппозиций. При этом дихотомия «свой – чужой» прямолинейно не декларировалась, но непременно присутствовала как фоновое знание в размышлениях о самоидентификации. Парадигмальную роль приобрели словосочетания «этноментальные основы», «этнодуховные основания», «этнопоэтика» – вплоть до «этнолитературоведения», адептов которого привлекало не столько адекватное восприятие текста как определенной структурно-семантической системы, сколько его этнологически ориентированная реконструкция.

Можно было бы сказать о явлении «литературоведческого областничества» с той оговоркой, что исконный смысл слова «областничество» во второй половине XIX в. был больше связан с достижением экономической самостоятельности отдельных областей. Если адекватно осознавать реально присутствующую в нашей литературной и исследовательской практике проблему сужения «резонантного поля» (В. Топоров) культуры, то ссылка на «областничество» как форму самоизоляции представляется вполне уместной.

Возобладала фактически статическая модель описания национальной литературы, адаптированная преимущественно к поиску и обнаружению этнокультурных детерминаций. Поначалу этот методологический тренд воспринимался под знаком филологической и культурологической самоактуализации, национально-культурного оппонирования доктрине монолитного «единства», долгожданного возвращения некогда отлученных от «генеральной линии» текстов. Но обозначилась и центробежная тенденция, превратившая «диалог» как якобы рецидив «дружбы народов» в спящую категорию: метили, как водится, в «дружбу народов» – попали в «диалогический принцип», присутствующий в гуманитарном знании как, по словам Г. Гадамера, «метафизическая основная схема познания истины».

Кризис национально-культурной идентичности в советскую эпоху трансформировался в кризис межкультурной коммуникации в эпоху постсоветскую, в методологическом плане – в разъединенность этнокультурного и коммуникативного дискурсов, не обнаруживающих точек соприкосновения. Если вспомнить отшумевшие девяностые, то я бы сослался на метафору опустевшего перекрестка культур, по которому бродил призрак взаимонепонимания, подпитывая этноконфликты, – ситуация в чем-то близкая к самочувствию строителей вавилонской башни: «...один не понимал речи другого»¹.

Опознавательный признак «этнокультурного поворота» в его литературоведческой реализации – трансформация ценностного релятивизма в «эсте-

¹ Библия. Первая книга Моисеева. Бытие 11 : 7. М. 1968. С. 10.

тику» неразличения подлинного и мнимого в литературе и, следовательно, девальвация категории «художественная ценность», эстетической оценки, которая сворачивалась до периферийного сопровождения доминирующей этнокультурной парадигмы. Не случайно чтение современных критико-литературоведческих работ по национальным литературам оставляет ощущение неопознанности текста как художественного произведения по причине непряженности его «ценностного веса».

Стало превалировать отношение к литературе как форме символизации и манифестации этносвоеобразия, к тексту – как транслятору и «заложнику» этнокультурной самобытности. Ему вменялась обязанность быть не только вместилищем-хранилищем этнической уникальности, но и эффективным инструментом конструирования идентичности. При таком подходе проблематичным становилось восприятие возможных смысловых интенций, никак не связанных с этнокультурной отличительностью.

В полной мере сознаю, что бессмысленно оспаривать смысл и научный статус этнокультурного дискурса как такового. Речь о другом – о его эпистемологической функции в рамках литературоведческого анализа, призванной обогащать и расширять возможности этого анализа, не порывающего с принципом эстетической избирательности.

Размытость литературоведческого модуса осмысления функциональной роли этнокультурных реалий в произведении как «второй реальности» дает знать о себе и в спорном использовании понятия «этническая литература». Но если перед нами действительно «этническая литература», то это состояние следует охарактеризовать как предлитературное или долитературное. Если же переход от фольклорного мироощущения к типу литературного сознания все же состоялся, то уместно говорить о национальной литературе. Понятие «этническая литература» артикулирует принцип соответствия коллективной идентичности, отсылающий к этнокультурным константам, но атрибутивное качество литературы связано с авторской субъектностью, индивидуализацией героев, вариативностью типов человеческого поведения и т. д.

Следует, однако, обратить внимание на позитивную и перспективную тенденцию: эйфория этнокультурного самоутверждения утрачивает избыточность и литературоведческая мысль всё очевиднее тяготеет к соразмерному взгляду на вещи. Нарастает методологический спрос на сбалансированность синхронного и диахронного аспектов изучения, несовместимую с односторонне трактуемой этнокультурной предзаданностью как единственного идентификатора художественного текста.

Изучение национальных литератур, ориентированное на *restituto in integro* (восстановление в целостности), и выявление их фундаментальных ценностных ориентиров воспринимаются как грани единого подхода, без которого призыв к полноте описания каждой национальной литературы останется всего лишь благим пожеланием.

В заключение позволю себе обратиться к убедительной образности художественного произведения, вернее – к одному из его ключевых смыслов, как

нельзя лучше проясняющих то, что можно назвать дисциплинарной спецификой нашего предмета.

Непреодолимый, казалось бы, водораздел обозначен репликой толстовского Хаджи-Мурата, когда его спросили о бале у кавказского наместника: «у каждого народа свои обычаи». Далее для убедительности следует пословица: «угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном». Оба, естественно, остались голодными. И вновь та же сакраментальная мысль героя: «всякому народу свой обычай хорош».

Толстой не был бы Толстым, если бы остановился на рубеже «каждому свое»: ишаку сено, собаке мясо – и со своих мест, если вспомнить известные строки, они не сойдут. В глухой стене, возведенной кавказской войной, русский писатель находит заветную дверь. «Ему нравилась и ее простота, и особенная красота чуждой ему народности» – в отношении Хаджи-Мурата к Марье Дмитриевне сошлись два масштаба: простота только ее, а вот красота как бы переадресована в другое измерение.

Но почему все-таки не «чужая», которая может перестать быть таковой, а именно «чуждая», то есть иная, чужая навсегда? Если «чуждая» в этом смысле, то как могла появиться «особенная красота», которая даже несентиментального горца задела за живое?

Один из ответов может быть таким: чуждости Толстой отказал в онтологическом статусе, обращением к «особенной красоте» он тонко дезавуировал чуждость «чуждой ему народности». Фатально разделяющая людей культурная дистанция вдруг обнаружила свойство самопреодоления, перехода в новое качество человеческих отношений вопреки логике отчуждения в условиях войны.

Мысль, непротиворечиво сопрягающая очевидный приоритет «всякому народу свой обычай хорош» и не менее значимый ориентир – «особенная красота» другого народа, вполне «тянет» на роль стержневой и методологически продуктивной, когда речь идет о такой сфере современного гуманитарного знания, как изучение литератур народов России.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Об искусстве. М.: Искусство, 1973. С. 351, 367.
2. Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Т. 1. СПб., 1836. С. 169.
3. *Фрайман И.* К анализу одного пушкинского примечания // Toronto Slavic Quarterly. 2005. № 13. / (URL: sites.utoronto.ca/tsq/13/fraiman13.shtml).
4. *Федотов Г.П.* Будет ли существовать Россия? // Вестник РСХД. Париж, 1929. № 1–2. С. 20.
5. *Славинский М.А.* Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 418.

6. Султанов К.К. Феномен Кулаковского: «локальное» и «всеобщее» в парадигме целостного миропонимания // Творческая личность в историко-культурном пространстве. Новосибирск: Наука, 2013. С. 59–72.

7. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 522.

8. Библия. Первая книга Моисеева. Бытие 11 : 7. М., 1968. С. 10.

Сведения об авторе:

Казбек Камилович Султанов,
докт. филол. наук
профессор
МГУ имени М.В. Ломоносова,
заведующий отделом литератур народов РФ и СНГ
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН
заслуженный деятель науки Республики Дагестан,
член Союза писателей и Союза журналистов России.

Автор более 400 публикаций в российской и зарубежной печати,
в том числе семи книг.
Сфера научных интересов:
литература и идентичность;
история и методология изучения литератур народов России:
поиск новой парадигмы;
«свое – чужое»: рецепция инонационального мира
как литературоведческая проблема;
«кавказский текст» русской литературы: коммуникативный аспект;
литература и национальное самосознание в эпоху глобализации.

Kazbek K. Sultanov
Doctor of Philology
Professor
Lomonosov Moscow State University,
Head of Department of literatures of the peoples of Russia and CIS
Gorky Institute of World Literature RAS
Honored Scientist of the Republic of Dagestan,
member of the Writers' Union and the Russian Union of Journalists

Author of more than 400 publications
in the Russian and foreign press,
including seven books.
Sphere of scientific interests:
literature and identity,
history and methodology of the study of literature peoples of Russia,
search for a new paradigm;
«native – alien»: the problem of the perception of the alien world
as an object of literary criticism;
«Caucasian text» of Russian literature:
communicative aspect;
literature and national identity in the era of globalization.: